
Н. Е. ОСИПОВ

**ФОРМАЦИОННЫЙ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ
АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ
“ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ”
ОБЩЕСТВА**

Прежде всего отметим многозначность понятия “общество”. Ю. И. Семенов выделяет следующие пять научных смыслов данного термина: “Первое – конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического процесса. Общество в таком понимании я буду называть социально-историческим организмом, или сокращенно – социором. Второе – пространственно ограниченная система социально-исторических организмов, или социорная система. Третье значение – все когда-либо существовавшие и ныне живущие социально-исторические организмы вместе взятые – человеческое общество в целом. Четвертое – общество вообще, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое – общество вообще определенного типа, например, феодальное общество или индустриальное общество”¹.

Хотя здесь 3-е и 4-е значения почти совпадают, тем не менее, оба они соответствуют наиболее общему (всеобщему) пониманию общества как объективной реальности. На этом уровне общество представляет собой, хотя и специфическую, но все же бесконечно малую часть бесконечно Великой природы, Космоса (универсума). Своеобразие социума носит пока онтологический характер, ибо сознание как наиболее универсальный отличительный признак всего общественного, само является лишь атрибутом материи. Назовем данный ранг иерархии уровней рассмотрения общества

¹ Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1. С. 160–161.

бытийным, ибо природа и общество равно существуют, независимо от их специфичности. Субъектом выступает природа во всех ее бесконечных проявлениях, а движущими силами являются ее законы и процессы. Ареной действия служит весь Космос, а временем – бесконечность (вечность).

Уже на данном уровне можно констатировать тезис о том, что, являясь частью природы, общество подчиняется действию ее законов. Они проявляют себя везде и всегда, несмотря даже на сознательную природу человеческой деятельности, как фундаментальной причины созидания социальной реальности. Такое понимание соотношения природы и общества имеет прежде всего мировоззренческий смысл. Его необходимо конкретизировать и раскрывать на “иных этажах” социальной теории не на **бытийном**, а, скорее, на **со-бытийных** уровнях рассмотрения исторического процесса (теперь уже не естественной истории, а истории самого общества).

Этот уровень (более “приземленный”) рассмотрения предполагает обращение к целому кругу субъектов, движущих сил и факторов социального развития. Все они в процессе непрерывного и многогранного взаимодействия образуют разноликую и красочную панораму всемирной истории. Вот здесь то и находится сфера применения в социальной философии методов формационного и цивилизационного подходов. Однако шкала теоретического объяснения социальных процессов у них все-таки различна. Формационный подход применим ко всей истории человечества. Субъектом выступает все человечество на протяжении сотен и тысяч поколений людей, живших в далеком прошлом и творящих историю в наши дни (3-е значение термина “общество” по классификации Ю. И. Семенова).

Согласно методологии материалистической диалектики, примененной к нашей проблеме, время определяется спецификой, масштабом, сложностью материальной системы и динамикой ее развития (движения). Поэтому у человечества в целом как грандиозной материальной системы, находящейся в постоянном изменении, безусловно, есть свое время. Сроки ее бытия во многом зависят не столько от естественных законов, в ансамбль которых оно интегрировано, сколько уже от социальных законов. Впрочем, послед-

ние, как уже отмечалось, в конечном счете, являются продолжением законов природного универсума. Несмотря на это, каждая наука, в том числе и философия как рациональная мировоззренческая система, стремится сформулировать законы бытия своего предмета исследования. Одним из таких законов в рамках исторического материализма является закон поступательного развития человечества, ступенями которого и выступают общественные формации. Обвинения в формационной теории, как слишком жесткой и искусственной схемы, в определенной мере справедливы, если подходить к историческому процессу с мерками цивилизационного подхода (это ведь иной уровень философского осмысления развития общества).

Но, с другой стороны, несомненным фактом является и то, с чем вынуждены согласиться и оппоненты марксизма, что человечество за время своей социальной истории прошло большой путь развития, который оценивается многими в целом как прогресс. Основанием прогресса человечества является развитие материального производства – источника предметного богатства – как субстрата роста общественного организма (Г. Спенсер). Правда, само развитие производственной мощи в современном мире вызывает в разных философских направлениях почти диаметрально противоположную оценку – от явно пессимистической до радужно оптимистической. “Яблоком раздора” является не сами по себе научно-технические и производственные возможности человечества, а, скорее, гуманитарные последствия их реализации, влияния на непродуцируемые аспекты бытия человека – нравственность прежде всего, а также на другие стороны его духовной жизни. Так или иначе, но поступательное развитие производительных сил общества является бесспорным.

Следствием же прогресса последних выступают производственные отношения, образующие их социально-экономическую форму. Повторяя “азбуку” исторического материализма, скажу, что диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений, сформулированное в законе их соответствия, определяет установление в обществе конкретно-исторического способа производства – основания любой общественной формации.

В настоящее время цивилизационная парадигма превратилась в господствующую методологическую установку отечественных обществоведов, я бы сказал, в своего рода теоретическую моду. Но мода, как известно, “дама капризная”; она проходящая, тем не менее доставляет новый опыт восприятия мира. Цивилизационный взгляд на исторический мир добавляет свежих красок в палитру его картины, однако не отменяет методологической значимости теории формаций.

В свое время великий русский химик профессор А. Бутлеров заметил, что даже самая хорошая теория есть лишь некоторое приближение к действительности. Это утверждение как нельзя лучше выражает гносеологическую ценность формационной и цивилизационной теорий. Эмпирическое многообразие исторического процесса – объект познания обширного круга социальных наук. Каждая из них изучает свой аспект этого процесса. Такой подход к социальной действительности предполагает создание теоретических конструкций, образующих понятийный аппарат, как средство познания. Без такой гносеологической установки социофилософ рискует “утонуть” в океане фактологического материала, утратив общее направление исследования. Это вовсе не схоластика, когда одним из принципов систематизации научных категорий является стремление теоретика построить определенный понятийный ряд, “организующий” некоторым образом обширный материал наблюдений. Такой принцип позволяет представить некую теорию как несколькоуровневую концептуальную систему, где каждое понятие работает на своем месте.

Для К. Маркса при анализе человеческой истории определяющей была методология сведения индивидуального к общесоциальному, типическому для многих конкретных социально-исторических организмов. Для цивилизационной же методологии “верхним” пределом обобщения является типическое для отдельного социора или же их сообщества (цивилизации). Таким образом, на том, чем заканчивается цивилизационный подход, формационный не останавливается. Он идет дальше, фиксируя не только то, что различает цивилизации (а это, прежде всего, социально-культурные черты), а преимущественно то, что их объединяет, что составляет основу их существования, а следовательно, их самобытности.

Любое общество, независимо от его своеобразия, живет в определенной среде и вынуждено производить материальные блага (пусть даже это первобытный, локальный коллектив с присваивающим типом хозяйства). Научный анализ этого непреложного факта истории позволил выработать целый ряд философских категорий, составивших основу историко-материалистического объяснения развития человечества. Среди них центральное место занимают такие, как “производительные силы”, “производственные отношения”, “способ производства”, “базис”, “надстройка”, “общественное бытие”, “общественное сознание” и др. К этому ряду социально-философских понятий относится и категория общественной формации. Она выполняет роль своеобразного теоретического узла, связывающего остальные категории в систему, дающую представление об обществе как целостном образовании, а истории – направленном закономерном процессе.

Формационный анализ акцентирует внимание на определении **субстанции** жизни общества, видя ее в способе производства и основных сферах социального бытия, в конечном счете детерминруемых этой субстанцией. Цивилизационный подход же исходит из необходимости понимания **специфики** различных сторон жизни отдельных обществ и их групп. Это уровень **проявления** самой субстанции в различных формах социальной жизни человека: культуре, политике, духовной сфере, быту, труде и т. д. А последнее – в каждом конкретном случае неповторимо, своеобразно. Причем в центре внимания такого рассмотрения находится **тип человека, личности** в определенном обществе, существующем в конкретно-историческое время и в конкретном месте, что предполагает учет не только его внутреннего состояния, но и его социального, природного окружения (среды). На первый план здесь выходит **индивидуализирующий метод, метод теоретического синтеза**, результатом применения которого является представление о социальности человека, как характерного представителя определенного общества (цивилизации). В отличие от **субстанционального** (формационного) подхода к истории, цивилизационный метод

можно назвать **субстратным**, дополняющим и конкретизирующим в целом первый (субстанция и ее модусы – Б. Спиноза)².

Конечно, человек живет не для того, чтобы только потреблять материальные блага. Такая позиция понимания сущности человека не отвечает высшим ценностям и идеалам. Творческая природа человека, наделенного “высшим даром” – сознанием, проявляет себя в самых разных областях социального бытия. Более того вещный мир, создаваемый материальным производством (вторая природа) – лишь необходимые средства реализации потенциалов человека в культуре, в сфере духа. Следовательно, надо быть, чтобы жить во всех разнообразных проявлениях социального бытия.

В ряду социально-философских категорий, раскрывающих общеисторический статус материального производства, центральной является категория производительных сил общества. Она относится к числу абстракций высшего порядка, выражающей наиболее общие характеристики жизни общества в хронологических и топологических масштабах всей человеческой истории. Одна из “старейших” и, казалось бы, устоявшихся в социальной теории категорий, она стала предметом оживленного обсуждения в отечественной социально-философской и экономической литературе. Одним из стимулов к тому послужило стремление обществоведов теоретически осмыслить такой глобальный феномен как научно-технический прогресс. В ходе дискуссий была высказана идея о превращении науки в непосредственную производительную силу общества, которая, строго говоря, в общем виде содержалась уже в теоретическом наследии К. Маркса. В результате обсуждения многими делался вывод о том, что наука является самостоятельным элементом производительных сил наряду с человеком (работником) и средством труда.

На протяжении всего XX века с некоторыми временными промежутками в общественно-научном сообществе поднимался вопрос об элементарном составе производительных сил, их структуре. Еще в первой половине века минувшего это выразилось в стремлении включить в систему производительных сил предмет труда. По-

² Кстати, у К. Маркса в “Капитале” имеется цивилизационная характеристика типичного представителя буржуа и пролетария в период раннего капитализма – эпохи утверждения индустриального общества в Европе.

следний непосредственно входит в процесс производства как объект технологического воздействия работника, от качества и ряда характеристик которого существенно зависит производительность самого труда. Осознание этого факта привело в конце концов к стремлению некоторых авторов “расширить” предмет труда до масштабов всей географической среды (комплекса природных условий), к рассмотрению природных факторов в их единстве с производительными силами. По их мнению, такое объединение природы и производительных сил в рамках социально-философского понимания человеческой истории отвечало бы своим содержанием категории “базис общества”.

Конечно, приведенные выше примеры “расширительной” трактовки содержания категории “производительные силы общества” имеют свой резон. Он вполне оправдан на уровне анализа конкретно-исторического состояния производительных сил общества. При этом чем “ближе” к эмпирической действительности, тем больше факторов и условий, влияющих на продуктивность материального производства, выявление и учет которых входит в компетенцию обширного спектра социально-экономических, технических, гуманитарных и других наук. Более того, не будет преувеличением утверждать, что на эффективность функционирования производительных сил в конкретных пространственно-временных границах бытия общества влияет всё, включая своеобразие духовной культуры (религии, менталитета народа, трудовой и бытовой этики, обычаев, традиций и др.), а также особенности политического устройства, этнической структуры и т. д., одним словом, все то, что относится к понятию “цивилизация”. Следовательно, наряду с традиционным формационным аспектом рассмотрения, теория производительных сил общества содержит и цивилизационный срез анализа.

При этом надо отметить многозначность термина “цивилизация”, как он встречается в обществоведческой литературе. Обратим внимание только на два самых распространенных его смысла:

1. Цивилизация есть характеристика истории человечества в постпервобытную ее стадию, когда возникают классы, и соответственно, предполагает государство и все остальное, что обычно указывается в этом случае. В таком смысле этот термин используют

преимущественно социальные философы. Так, С. Хантингтон отмечает: “Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ”³.

2. Цивилизация – совокупность конкретных обществ (социоров, объединенных общностью прежде всего культурологических черт, проявляющихся в обширном спектре жизни народов и государств. Чаще всего, особенно у классиков цивилизационной методологии, – это религия. Данный смысл больше присущ позиции историков-теоретиков, которые ввели в научный обиход термин “локальная цивилизация”).

На формационном уровне анализа исторической действительности методологически верным было бы говорить о производительных силах как системе **субстанциональных элементов**, как общеисторическом средстве преобразования природного в социальное. Они выражают активное отношение общества в целом к природе. Трактующиеся как первооснова социальности, производительные силы противостоят природе. Однако это противостояние диалектично и предполагает их непрерывное взаимодействие и осуществляется как процесс производства материальных благ. При этом природа выступает в качестве универсального контрагента производительных сил – всеобщего предмета труда. Общеисторическая сущность производительных сил предполагает рассмотрение их как системы, состоящей из:

– самого человека (работника), как главной производительной силы;

– средства труда, прежде всего, орудия труда (вещного элемента).

На формационном уровне рассмотрения производительных сил взаимодействие субстанциональных элементов осуществляется через категорию (технологический способ производства).

На более конкретном уровне анализа проявления **субстанциональной сущности** производительных сил, состояние предмета

³ Хантингтон С. “Столкновение цивилизаций” // Полис. 1994. № 1. С. 33.

труда, как фрагмента природы, так и естественной среды, необходимо брать во внимание, чтобы лучше понять особенности социального развития определенного общества, региона. Такой анализ вполне продуктивен (и только возможен), если речь идет о цивилизационном своеобразии развития отдельных стран, народов, государств. Более того, в этом случае обязательным является методологический императив учета как можно большего числа условий и факторов, объясняющих возникновение и развитие той или иной цивилизации. При этом нельзя ограничиваться исключительно производственными компонентами, сводя их к работнику, средству и предмету труда. Всякий процесс производства реально осуществляется в определенной социальной среде. Поэтому на него воздействует широкий спектр явлений жизни общества – этносоциальных, политических, духовных. Следовательно, материальное производство само всегда является, строго говоря, социальным феноменом.

Центром приложения и творчества социальности в сфере материального производства выступает человек не только как главная производительная сила, но и как личность, отражающая в себе все многообразие конкретных условий социального бытия. Будучи работником на своем рабочем месте, человек включен в сложную систему отношений не только производственных, но и самых разнообразных.

Для теоретика-марксиста общим местом является признание истинности положения о материальности производственных отношений, образующих основу всех других общественных отношений. Обычно отмечается, что в самой их структуре определяющими являются отношения собственности. Однако последние невозможно понять без обращения к ним как к специфическому социальному институту. А это предполагает рассмотрение всей совокупности правовых, юридических отношений в обществе, основанной на определенном типе государственного устройства⁴. В свою очередь, оно представляет собой результат исторического развития, выражение не только политической самобытности общества, но и куль-

⁴ Плетников Ю. К. Отношения собственности и социализм // Диалог. 1996. № 8. С. 39–40, а также Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1. С. 164–165.

турологических особенностей жизни народа – его исторической судьбы в целом.

Итак, не только производительные силы реально проявляют свою сущность в конкретных природных и социальных условиях, но и производственные отношения, как другая, неотъемлемая от них социально-экономическая сторона способа производства, проявляют свое формационное качество в определенных пространственно-временных границах и, в свою очередь, создают производительным силам определенные условия для функционирования и развития. В нашем обществоведческом сообществе достаточно долго доминировала точка зрения, согласно которой прогресс производительных сил, обладающих внутренней логикой развития, чуть ли не автоматически вызывает поэтапную смену устаревших производственных отношений новыми, соответствующими уровню и характеру первых. Этот закон действует на протяжении всей человеческой истории и поэтому стоит в одном категориальном ряду с другими явлениями формационного уровня. Он своим содержанием связывает их в одно целое, представляя их в общеисторической динамике. Однако, в применении к более конкретным периодам истории и регионам на уровне бытия цивилизаций и отдельных обществ этот “автоматизм” закона соответствия не столь очевиден и требует дополнительного дискурса.

Наиболее оживленные дискуссии вызывало действие закона соответствия в доиндустриальный период всемирной истории. Жесткое “приложение” данного закона к ранним классовым обществам (допустим, перехода от политарных обществ к античным, а затем к феодальным) не давало удовлетворительного решения проблемы. Попытки “напрямую” выводить формационные этапы истории (типы производственных отношений) из состояния техники сталкивались с большими трудностями, вели в методологический тупик⁵.

По моему мнению, такие попытки методологически не совсем корректны: во-первых, из того, что техника является орудием и важнейшим средством труда, нельзя их отождествлять полностью. Техника, какой бы совершенной она ни была, не исчерпывает всего

⁵ Материалы “круглого стола” см. в журнале. “Философские исследования”. 1983. № 6. С. 13–34.

содержания понятия “средство труда”; во-вторых, даже при “суженном” понимании производительных сил (социально-философский уровень рассмотрения) средство труда исключительно не определяет их социального действия, а всегда проявляет себя лишь во взаимосвязи с человеком (работником), как еще одним **субстанциональным** элементом производительных сил; в-третьих, действие закона соответствия в конкретные периоды истории в том или ином регионе мира и для определенных народов (цивилизаций) в формационном масштабе зависит от состояния субъективного элемента производительных сил. А это во многом – производное от типа производственных отношений, создающих в обществе специфические условия проявления этого элемента.

Отсюда вытекает следующий теоретико-методологический вывод: для лучшего понимания действия закона соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил в конкретных пространственно-временных условиях необходимо использовать понятие “технология”, т. е. правомерно рассматривать **проявление производительных сил в обществе на технологическом уровне анализа**. При такой трактовке производительных сил теоретически вполне оправданным является учет многих факторов, компонентов и условий, влияющих на эффективность производительных сил общества, а не только (и даже не столько) существенных их элементов. При данном подходе просто необходимым становится рассмотрение характера и состояния основного предмета труда.

Главное назначение производительных сил – получение достаточного объема материальных благ. Их величина зависит как от меры социально-исторического развития главных элементов производительных сил, так и других, сопутствующих им условий, например, природно-климатических.

В свое время еще К. Маркс отмечал важную роль природных компонентов в эффективности функционирования производительных сил, сказывающихся на производительности труда⁶. В наше время на материале дополнительных результатов исследования доиндустриальных обществ необходимо дать новую переоценку

⁶ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 521–524. Т. 25. Ч. 1. С. 285; Т. 25 Ч. 2. С. 32 и др.

различных факторов общественного производства, уточняющую и конкретизирующую классические взгляды по данной проблеме, при этом не отбрасывая фундаментальные положения марксизма в теории производительных сил. На мой взгляд, это успешно делает наш известный социальный философ Ю. И. Семенов. Его концепция значительно продвигает наши представления о ходе мировой истории, разрешает ряд проблем, накопившихся за десятилетия научных дискуссий. Конечно, здесь не обойтись без введения в теоретический арсенал новых понятий. Это в полной мере присуще и Ю. И. Семенову. Одной из социально-философских категорий высшего ранга, которые тем не менее служат своеобразным методологическим ключом, объединяющим различные уровни анализа производительных сил, является понятие “состояние производительных сил”. Этой категорией можно адекватно выразить количественные показатели функционирования производительных сил, являющиеся проявлением **общен исторического субстанционального их качества**. Но именно этим определяются **субстратные** действительные возможности общественного организма к развитию. Если в целом говорить о связи различных уровней осмысления общественной роли производительных сил, то она раскрывается в таких общеполитических категориях, как сущность и явление, качество и количество, субстанция и субстрат, возможность и действительность.

Через теоретическую призму таких категорий можно рассматривать такое утверждение Ю. И. Семенова: “Между уровнем и состоянием производительных сил существует тесная связь. Уровень производительных сил проявляется в их состоянии. Поэтому возрастание уровня развития производительных сил имеет следствием повышение их состояния. Состояние производительных сил всегда зависит, во-первых, от уровня их развития; во-вторых, от природных условий. Как следствие – при одном и том же уровне производительных сил, состояние их может быть различным. С другой стороны, одно и то же состояние производительных сил может быть проявлением не одного, а разных уровней развития производительных сил”⁷.

⁷ Семенов Ю. И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки. 1985. № 1–3. С. 29; см. также его “Введение во

Таким образом, из вышесказанного можно заключить: “Уровень развития производительных сил определяет тип производственных отношений не прямо, а через состояние производительных сил, которое зависит не только от него, но и от особенностей природной среды”⁸. По мере исторического развития производительных сил, прежде всего основных его элементов, зависимость их продуктивности от природы ослабевает, но, думается, никогда не будет равна нулю. Это в принципе определяется тем, что, как уже говорилось выше, общество онтологически интегрировано в природный универсум, являясь лишь его крохотной подсистемой. Да и сами производительные силы, строго говоря, есть та же природа, ее законы, действующие через вещество, процессы, энергию, которыми человек овладел хитростью (Гегель), благодаря своему разуму. Схожую мысль мы встречаем и у К. Маркса: “Силы природы, наряду с другими видами производительных сил, принимают вид производительных сил”⁹.

На ранних стадиях истории основным источником социального богатства являлось земледелие. Именно оно составило материальную базу возникновения и расцвета древних цивилизаций. Сельское хозяйство не зря считается подлинной революцией в развитии производительных сил общества (неолитическая революция VI–IV тысячелетия до н. э.). По расчетам специалистов, земледелие позволило получать на одной и той же территории земли продукции в 200 тысяч раз больше, чем это было возможно в период присваивающего хозяйства (охота, рыболовство и собирательство).

Технологический уровень понимания производительных сил требует всестороннего охвата факторов, компонентов (а не только элементов) и условий реального проявления производительных сил, от которых так или иначе зависит их продуктивность. Вполне понятно, что ядро технологической системы производительных сил всегда образуют работник и его средства труда. Само понятие “технология” чрезвычайно содержательно, что вызывает некоторую

всемирную историю”. Вып. 3. История цивилизованного общества (30-й до н. э. – XX н. э.). М., 2001. С. 31–32.

⁸ Семенов Ю. И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ. С. 30.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 298.

неопределенность в его трактовке, и как следствие – множество определений¹⁰. В первом самом общем приближении технологию можно определить как тип отношения человека к миру, образуемый системой материальных и духовных средств в какой-либо области (социальной) деятельности. К. Маркс писал, что “технология вскрывает активное отношение человека к природе – непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни, и проистекающих из них духовных представлений”¹¹. Веком позже А. Тойнби кратко и образно определяет технологию как “сумка с инструментами”¹².

Данное понимание технологии настолько универсально, что отражает типический, целесообразно выработанный обществом образ деятельности в самых разных сферах социальной практики. Соответственно можно выделить такие социально значимые технологии, как производственная (сельскохозяйственная, промышленная, ремесленная, транспортная и т. п.), политическая (государственное устройство и формы правления), научно-исследовательская, религиозная, технология образования, воспитания и т. д. Даже мировоззрение можно отнести к виду духовной технологии. Так, например, этикет – это тоже своего рода технология поведения и межличностного общения, выработанная определенным народом в процессе оптимизации жизненного опыта на протяжении многих поколений. Он реально представлен и действует как система норм и правил (часто не писанных) поведения. У всех на слуху словосочетание “китайские церемонии”. Этим хотят подчеркнуть детальную регламентацию и субординацию в обществе. Это не случайно, т. к. сама потребность в повседневной жизни в условиях чрезвычайно плотного и многочисленного населения страны, его общежития “создала” необходимость в таком этикете. Мы, разумеется, будем иметь в виду технологию как реальное проявление производительных сил общества.

¹⁰ Обзор точек зрения см., например: 1. Майзель И. А. Цивилизация и техника. Л: Знание, 1987. С. 22–23; 2. Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 4–5; 3. Философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. С. 28–29.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 383.

¹² См. А. Дж. Тойнби. “Цивилизация перед судом истории”. М. – СПб., 1996. С. 99, 102, 130, 133 и др.

Последняя представляет собой систему самых разнообразных средств, методов и условий производственной активности людей в получении общественного продукта. Она включает в себя как центральное звено определенный набор технических средств (прежде всего орудий труда). Именно он детерминирует все остальные компоненты производственной технологии. В тот или иной исторический период вся совокупность технологических факторов существует как **технологический способ производства**. Он представляет собой конкретно-исторический тип связи (своего рода технологическую парадигму) между работником и орудием труда (техникой, как искусственно созданным орудием труда, оказывающим непосредственное воздействие на предмет труда)¹³. Процесс производства реально функционирует лишь при условии непрерывного взаимодействия всех основных компонентов технологии: работника, средства труда и предмета труда. Это значит, что, например, не только техника диктует своеобразие обрабатываемого материала, но и особенности последнего влияют на выбор используемой техники вплоть до ее конструктивных элементов. Здесь нагляднее всего проявляет себя роль природного компонента технологии. Но техника также требует от работника наличия определенных качеств: умения, знания, опыта, мастерства и т. д. С другой стороны, на уровне частной производственной технологии используемая техника зависит от профессиональных качеств работающего. Не случайно же человек является главной производительной силой, приводящей в действие и одухотворяющей все остальные факторы технологии. Да и само исходное значение слова “техне” переводится с греческого как “искусство”, искусство человека, представленное предметно в том числе и в орудиях его деятельности.

Важнейшим аспектом производственной технологии выступает совокупность технико-организационных отношений – функциональных связей между работниками по поводу производственного процесса (вертикальных и горизонтальных), которые в конечном счете являются производными от предметных компонентов технологии и прежде всего существующего технологического способа производства. Именно последний характеризует в целом уровень

¹³ См. о понятии “техника” в Современном философском словаре / Под общей ред. д. ф. н., профессора В. Е. Кемерова. С. 922–924.

развития производительных сил в определенный период их исторического прогресса. К числу технологических способов производства, последовательно сменявших друг друга в ходе прогрессивного развития производительных сил относятся следующие:

– природоприсваивающий, техническую основу которого составили ручные орудия индивидуального и коллективного пользования (охота, собирательство, рыбная ловля);

– аграрно-ремесленный – использование плуга, гончарного круга, прирученных животных, водяной и ветряной мельницы, культурные растения, системы земледелия;

– индустриальный, базирующийся на применении механической системы машин;

– информационно-компьютерный – персональные компьютеры, их системы, internet, автоматические технологии.

С историко-материалистических позиций было бы вполне заманчиво выводить сущность производственных отношений непосредственно из технологического способа производства – сущности, узлового этапа развития производительных сил. Это иногда наблюдается в нашей литературе и за рубежом. Так, в целом в обстоятельном “Современном философском словаре” мы читаем: “Каждому типу технологии адекватна особая форма собственности”¹⁴. Думаю, что данное положение не совсем “адекватно” отражает реальную историю и по меньшей мере является поспешным. Формы собственности, а, следовательно, тип производственных отношений некорректно выводить непосредственно из типа производственной технологии. Между ними вряд ли существует прямая зависимость. Признание такой жесткой связи в теории при сопоставлении ее с исторической действительностью может дискредитировать самую теорию, что и происходило с формационным учением за последнее время.

С точки зрения теории формаций связь между материально-технической базой общественного производства и отношениями собственности – ядра производственных отношений – бесспорно существует, но она отнюдь не прямая и “не короткая”. Она опо-

¹⁴ Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н., профессора В. Е. Кемеровова. 2-е изд., испр. и доп. М., Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Минск: Панпринт, 1998. С. 929.

средована целым рядом социально значимых факторов, с большей или меньшей силой воздействующих на **состояние** имущественных отношений в обществе и лишь в конечном счете определяющих установление (формирование того или иного экономического способа производства). Это обстоятельство очень важно брать во внимание, особенно тогда, когда речь идет о конкретном историческом этапе развития общества в определенном регионе мира (например, на цивилизационном уровне исследования), так, в древности, как уже говорилось, при относительно слабой технологической оснащенности хозяйственной деятельности многое зависело от особенностей природных факторов бытия человека. На фоне этой общей зависимости тем не менее нельзя считать, допустим, структуру первобытного общества повсюду однородной. Даже тогда существовали разные формы организации жизни: коммуналистическая, первобытно-престижная, предклассовая. Лишь последние две формы послужили исходным пунктом перехода общества к стадии Цивилизации с ее государством и классами. Первые локальные цивилизации, чье благосостояние по-прежнему во многом зависело от природно-климатических условий, мало чем технически отличались от обществ-предшественниц. В основном их хозяйство базировалось на ремесленно-ручной технологии. Использование скота в качестве тягла в земледелии принципиально в начале не меняло установившегося технологического способа производства. Зато существенное значение в тех условиях имела роль государства (важнейший социальный институт цивилизаций), которое выполняло важную **технологическую функцию** по организации и управлению сельскохозяйственными работами – главного источника получения совокупного общественного продукта. Таким образом, древневосточные государства выполняли одновременно (совмещали) минимум две функции: экономическую и политическую, что поддерживало в целом устойчивость социально-классовой структуры общества. Не случайно поэтому в научной литературе такие общества получили название **политарных**. Из этого можно сделать вывод, дополняющий положение о **состоянии производительных сил общества**, о котором речь уже шла выше: **уровень развития производительных сил, проявляющийся в их состоянии, в своей социальной продуктивности зависит не**

только от природно-климатических условий, но и от роли политических факторов, в частности, от типа государства. Этот теоретический тезис находит подтверждение обращением к эмпирическому материалу изучения не только древних обществ, но и других социумов на всех этапах человеческой истории. Наша отечественная история и современность также в полной мере подтверждают справедливость данного вывода.

Древнеполитарные цивилизации Востока часто называют застойными обществами, развитие которых подчиняется циклическому ритму, круговороту, если даже в целом согласиться с таким утверждением, то его необходимо уточнять. Принято считать технологический базис этих обществ экстенсивным в отличие от интенсивного типа технологии индустриальных обществ. Все так. Но является ли это таким уж явным его недостатком? Смотря в чем. Технологии древнего общества в основном обеспечивали ему достаточный объем продукта на протяжении сотен и даже тысяч лет. И что важно, они позволяли сохранять определенный общий баланс со средой обитания, поддерживать гармонию с природой. Правда, случавшиеся время от времени природно-климатические катаклизмы, войны снижали жизнеспособность этих обществ. Но подобные потрясения носили в основном локальный характер и сменялись периодами восстановления, нового подъема и расцвета. Технологии же индустриальных и особенно постиндустриальных обществ, руководствующихся идеей изощренных потребностей “золотого миллиарда”, превративших мир в глобальную систему, во многом проигрывают. Они за какие-нибудь 200 лет с небольшим подвели все человечество к всепланетной экологической и антропологической катастрофе, первые признаки которой уже очевидны.

О роли внеэкономических факторов роста продуктивности материального производства свидетельствует история всех времен. Еще одним примером может служить хотя бы исторический опыт государств Ближнего Востока начала нашей эры. Всякий раз, когда страна испытывала в результате природных и социальных катаклизмов разорение и упадок производительных сил, правители этих государств и империй прибегали к экономическим преобразованиям, результатом которых было изменение экономической карты страны путем преобразования системы налогообложения, создания

новых субъектов собственности и т. д., что в итоге повышало хозяйственную активность производителей. В реальной жизни конкретного общества система производственных отношений всегда представлена не только одним типом отношений собственности, а несколькими, составляющими его экономической строй. Среди нескольких экономических укладов и подукладов некоторые занимали доминирующее положение, определяя формационное качество всего общества. И в этом огромная роль принадлежала государству. Многоукладность особенно характерна для территориально обширных империй, где имелось многообразие природных и социально-политических условий в провинциях. Игнорирование этого объективного обстоятельства в экономической политике властей приводило к застою и упадку экономической и военной мощи страны, а значит, и к ослаблению ее международного положения, в результате чего менялась и политическая карта мира в силу смены лидера всеобщей истории человечества. Применительно к отмеченным здесь древнеазиатским обществам надо сказать, что их экономика и хозяйственный строй содержали такие уклады, как рентные, кабальные, арендные, приживальческие, рабские и другие общественные отношения. Этот факт свидетельствовал об известной пластичности социально-экономического строя, его резервных возможностях к “выживанию” в случаях экстремальных изменений внутренней и внешней обстановки. Этим обеспечивался также своего рода дополнительный материал для всего человечества в выборе перспективных путей исторического развития. Так и происходило на практике в мировой истории.